

ЧУМА В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

“Всякое время оставляет после себя гораздо больше следов своих страданий, чем своего счастья. Бедствие – вот из чего творится история”¹. Этими строками Й. Хейзинга отметил важную особенность исторических источников, которые чаще хранят память о печальных и трагических событиях, нежели о благополучных периодах человеческого существования. В полной мере это утверждение справедливо и для поздневизантийских письменных памятников². Исторические сочинения, риторические трактаты и хроники поздней Византии изобилуют сообщениями о катастрофах, войнах и разорениях. Безусловно, жизнь людей не была соткана только из несчастий и горестей, но именно бедствия порождали более острую рефлексию и привлекали особое внимание авторов-современников.

Природные катаклизмы (засухи, землетрясения, наводнения), голод и болезни будоражили умы людей, пугая их своей разрушительной силой и питая эсхатологические ожидания. Бедствия и недобрые знамения вызывали священный трепет, обостряли ощущение трагичности переживаемого времени. Обратимся здесь к одной из главных трагедий, поразивших население Византии во второй половине XIV–XV в.: эпидемиям чумы, удары которой усугубляли драматическое течение жизни империи в последнее столетие ее существования.

Со второй половины XIV в. Византия вступила в полосу глубокого кризиса. Большая часть земель, которые еще оставались под властью императоров, оказалась в запустении. Гражданская война 1341–1347 гг. разорила Фракию, опустошаемую к тому же частыми набегами турецких отрядов. В борьбу между Генуей и Венецией за торговое преобладание в Восточном Средиземноморье и на Черном море были втянуты и византийские императоры, которым в этих политических играх зачастую отводилась весьма скромная роль статистов, венчавших победителя очередными привилегиями и льготами в ущерб собственным экономическим интересам. Византийская торговля, оказавшаяся под контролем итальянских купцов, все более погружалась в состояние застоя. Снабжение городов продуктами питания, поступавшими с черноморского побережья, находилось в руках генуэзцев³, зависимость от которых подрывала стабильность политической жизни в стране и делала местные власти заложниками иноземцев. Ремесленники, не выдерживавшие конкуренции с итальянскими производителями и не получавшие государственной поддержки, вытеснялись с рынков и разорялись. Сокраще-

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 33.

² См., например: Бибигов М.В. К социально-психологическому анализу писем Григория Кипрского: бедность, бедствия, болезнь // ВВ. 1995. Т. 56. С. 57–62.

³ Карпов С.П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // ВВ. 1989. Т. 50. С. 26–27; Скржинская Е.Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // ВВ. 1947. Т. 1. С. 224.

ние городского населения в определенной мере компенсировалось за счет сельских жителей, бежавших из разоренных сельских районов⁴. Однако демографический спад, наметившийся к середине XIV в., стал устойчивой тенденцией, поскольку постоянные войны и эпидемии обуславливали неумолимое убывание народонаселения империи.

На фоне экономической стагнации империя терпела поражения от грозного внешнего врага, который планомерно проводил политику экспансии. Внешнеполитическая ситуация в Византии со второй половины XIV в. всецело зависела от взаимоотношений с турками-османами, действия которых по сути и определяли все мероприятия византийских императоров⁵. Уже в 30-е годы XIV в. турки укрепились на малоазийских территориях. Граница византийских владений в Азии проходила всего в нескольких километрах к востоку от Босфора. Захватив в 1354 г. Галлиполи, турки перебросили мост из Азии в Европу, через который их орды хлынули в балканские владения Византии. Отныне, по словам Лаоника Халкокондила, они держали в своих руках, “наряду с городом эллинов, будущее Европы”⁶. Наступила эпоха взлета Османской империи и заката Византии.

Экономические трудности и внешнеполитические неудачи усугублялись внутренними междоусобицами среди правящего дома. Завершение гражданской войны в 1347 г. не поставило точки в противостоянии между Иоанном Кантакузином и Иоанном V Палеологом. Реставрация власти Палеологов и низложение Иоанна VI Кантакузина в 1354 г. обусловили лишь временный перерыв в междоусобицах. В новый конфликт были вовлечены представители молодого поколения Палеологов: сыновья Иоанна V (Андроника IV и Мануил II) и его внук Иоанн VII. В последние годы правления старого императора каждая из противоборствующих сторон пыталась заручиться поддержкой турок⁷.

Бедственное положение в стране усугубляли, как было сказано, и эпидемии, периодически поражавшие население империи в последнее столетие ее истории. Чума наносила едва ли не больший ущерб, чем войны. Только с учетом этого фактора можно представить себе истинные условия жизни поздней Византии и в полной мере оценить всю сложность ее существования во второй половине XIV–XV столетии.

В середине XIV в. Византия впервые за многие столетия оказалась в орбите чумного поветрия, коснувшегося, как известно, почти всех стран Европы и Азии. С этого времени эпидемии вспыхивали регулярно и стали постоянными явлениями византийской действительности. На протяжении следующего столетия чума посетила империю почти два десятка раз, около четверти века прошли под знаком этого бедствия. Но прежде чем перейти к анализу его последствий, обратимся к предыстории этой трагедии, приобретшей общеевропейский масштаб.

⁴ Matschke K.-P. The Late Byzantine Urban Economy, 13–15th Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through Fifteenth Century / Ed. A. Laiou. Washington, 2002. P. 465.

⁵ Werner E. Die Geburt einer Großmacht – die Osmanen (1300–1481). Weimar, 1985. S. 142–162.

⁶ Laonici Chalcocondylae historiarum demonstrationes / Rec. E. Darkó. I–II. Budapestini, 1922–1924. T. I. P. 30.17–18.

⁷ Charanis P. The Strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks, 1370–1402 // Byz. 1942–1943. Vol. 16. P. 286–314; Dennis G.T. John VII Palaiologos: “A Holy and Just Man” / Βυζαντινὸ κράτος καὶ κοινωνία. Μνήμη Ν. Οικονομίδη. Αθήνα, 2003. P. 205–217.

Эпидемия чумы, известная как “черная смерть”, охватила всю известную ойкумену. Ее очаг вспыхнул в 1320 г. в пустыне Гоби в Монголии, откуда и началось ее победоносное шествие через всю Азию в Европу. Золотую Орду заболевание захлестнуло в 1341–1342 гг., став причиной небывалого раньше сокращения населения и полного паралича власти⁸. От татар чума была занесена в Египет и Северное Причерноморье, поразив в том числе генуэзские колонии в Крыму.

О дальнейшем маршруте движения морового поветрия, совпадавшем с традиционными торговыми путями, сообщает Никифор Григора: “В это время обрушилась на людей тяжкая и чумная болезнь (νόσση τοῖς ἀνθρώποις ἐνέσκηψε βαρὺς καὶ λοιμώδης), начиная со скифов⁹ и Меотиды и бухты Танаиса, обосновалась тогда весной и продержалась весь тот год, переходя и опустошая одинаково жилища в приморских землях, города вместе с деревнями, и нашу страну и прилегающие, распространившись до Гадира и Геркулесовых столпов. В следующем году она перешла и на острова Эгеиды, затем достигла и родосцев, и киприотов, и всех других населенных островов”¹⁰. На тот факт, что чума пришла в империю с Северного Причерноморья, указывал также Иоанн Кантакузин, заметивший, что чума “началась от скифов Гипербореи”¹¹. Кантакузин, описывая путь ее продвижения, отмечал, что “она не только прошла по Понту, Фракии и Македонии, но и по Элладе, Италии, всем островам, Египту, Ливии, Иудеи, Сирии и почти по всему кругу ойкумены”¹².

Из Византии генуэзские галеры разнесли эпидемию в 1348 г. по прибрежным городам Италии. Джованни Боккаччо, который оставил одно из самых знаменитых описаний “черной смерти”, указывал на восточное происхождение чумы: “Только за несколько лет до этого она появилась на Востоке и унесла бесчисленное число жизней, а затем, беспрестанно двигаясь с места на место и разросшись до размеров умопомрачительных, добралась наконец и до Запада”¹³. Из Италии вслед за торговыми караванами чума “перетекла” во Францию, Испанию, Германию, Англию и дальше во все остальные части Европы. Из Германии по Балтийскому морю эпидемия перекинулась на Скандинавию, Польшу и Русь, замкнув тем самым свое кругосветное “путешествие”. Странствие чумы по Европе очень четко демонстрирует географию и направления средневековой торговли, которая концентрировалась вокруг Ближнего Востока и Средиземноморья.

Лишь контурно очертив путь распространения по Европе чумного поветрия, сосредоточим свое внимание на рассмотрении тех последствий, которые произвела эпидемия в византийских землях, оказавшихся в эпицентре этих трагических событий и первыми из европейских стран принявших удар страшного бедствия.

⁸ Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // Central Asian Survey. 1993. N 12. P. 447–457.

⁹ Григора называет “скифами” татар: *Moravčsik G. Byzantinoturcica. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker*. Bd. 1. B., 1958. S. 281.

¹⁰ Nikephori Gregorae Historia Byzantina / Ed. L. Schopen, E. Bekker. Vol. I–III. Bonn, 1829–1855. Vol. II. P. 797.17–798.2. (Далее: Greg.).

¹¹ Joannis Cantacuzeni Historiarum libri IV / Ed. L. Schopen, E. Bekker. Vol. I–III. Bonn, 1828–1832. Vol. III. P. 49.16–17. (Далее: Cant.).

¹² Ibid. III. P. 49.19–22.

¹³ Боккаччо Дж. Декамерон. М., 1992. С. 7.

О чуме, о которой на протяжении нескольких столетий не вспоминали в Византии¹⁴, источники вновь настойчиво заговорили с середины XIV в. В поздневизантийских текстах эта болезнь имеет разные обозначения: “чумная болезнь” (ἡ λοιμώδης νόσος¹⁵, τὸ λοιμῶδες νόσημα¹⁶, ἡ λοιμικὴ νόσος¹⁷), “эпидемия” (τὸ θανατικόν¹⁸), “мор” (ἡ θνήσις¹⁹) или просто “болезнь” (τὸ νόσημα²⁰, τὸ πάθος²¹). Но как бы ни именовали ее авторы, все они имели в виду одно и то же бедствие: чуму (ὁ λοιμός)²².

Для средневекового сознания страх перед болезнями и эпидемиями был одной из повседневных фобий, придававших привкус бренности человеческому существованию. Не случайно образы эпидемии и мора, вплетаемые в ткань византийских сочинений, были теми аллюзиями на библейский текст²³, которые усиливали эсхатологический эффект²⁴. Пророчества христианских авторов предвещали болезни и массовую смерть как наказание за грехи людские. В появлениях эпидемий, как и в других катаклизмах, видели предзнаменования будущей гибели. Алексей Макремволит в своем “Плаче на разрушение Святой Софии”, написанном в 1346 г. незадолго до начала “черной смерти”, в риторически-напряженной форме перечислил знамения грядущего конца, которые виделись ему в бедствиях и природных явлениях, ниспосланных Богом: “Не тучи ли саранчи, затмевавшие солнце, и все насаждения, и траву? Не камни ли града... угрожавшие всем? Не разливы ли рек и ливни, все уносящие и все уничтожающие? Не голод ли и эпидемия, совершенно истребившие дома, уничтожившие и предавшие смерти деревни и города? Не землетрясения ли, взрывы и страшные раскаты, сотрясавшие дома и разрушившие крыши домов, стены городов и земельные наделы?”²⁵. Среди знамений природного происхождения автор упомянул также голод и эпидемию, которые предвосхищали конец света. Эсхатологические ожидания Макремволита, в концентрированном виде выраженные в этом сочинении²⁶,

¹⁴ С VIII в. чума давала о себе знать лишь sporadически.

¹⁵ Ducas. *Historia Turcobyzantina* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1834. P. 30.7; 44.2. (Далее: Ducas).

¹⁶ Greg. II. P. 797.17.

¹⁷ Ducas. 20.3.

¹⁸ Schreiner P. *Die byzantinischen Kleinchroniken* (*Chronica Byzantina Breviora*). T. 1. Wien, 1975. Chr. 7/14; 33/6; 89/1–5. (Далее: CBB).

¹⁹ Chronologische Einzelnotizen // Schreiner P. *Die byzantinischen Kleinchroniken*. T. 2. Wien, 1977. S. 611. N 44.

²⁰ Démétrius Cydonès. *Correspondence* / Publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 186, 208. Città del Vaticano. 1956. Vol. 1. 1960. Vol. 2. Ep. 88.46. (Далее: CydEp). Немецкий перевод писем: Demetrios Kydones. *Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld*. T. 1–4. Stuttgart, 1981–2003.

²¹ Greg. II. P. 798.8.

²² Cant. III. 49; CydEp. 100.14; 110.28; *The Letters of Manuel II Palaeologus* / Ed. G. Dennis. Washington, 1977. Ep. 20.19; Ducas. 18.3; CBB. Chr. 106.2; Balfour D. *Politico-historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica* (1416/17 to 1429). Wien, 1979. P. 56. L. 33.

²³ “Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это начало болезней” (Матф. 24. 7–8); “Будут большие землетрясения по местам, и глады и моры, и ужасные явления и великие знамения с неба” (Лука, 21. 11).

²⁴ Kuruses S.I. Αἱ ἀντιλήψεις περὶ τῶν ἐσχάτων τοῦ κόσμου καὶ ἡ κατὰ τὸ ἔτος 1346 πτῶσις τοῦ τροῦλλου τῆς Ἁγίας Σοφίας // ΕΕΒΣ. 1969–1970. Т. 37. Σ. 211.

²⁵ Ἀλέξιος Μακρεμβολίτης. Εἰς τὴν ἁγίαν Σοφίαν πεσοῦσαν ὑπὸ πολλῶν κατὰ συνέχειαν γενομένων σεισμῶν // ΕΕΒΣ. 1969–1970. Т. 37. S. 235–240.16–25.

²⁶ Полянская М.А. Эсхатологические представления Алексея Макремволита // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 87–98.

подкреплены знаменами, которыми “предвещал Творец приближение мира к концу его”²⁷. Появления чумы, которыми были отмечены следующие десятилетия, подтвердили предсказания многих авторов, предрекая Византии конец ее истории.

Первая вспышка чумы в Византии приходится на осень 1347 г. В Константинополь чума была занесена из Кафы, колонии генуэзцев в Крыму²⁸. Кафа, осажденная татарами, уже была охвачена эпидемией и именно оттуда началось ее странствие на зачумленных торговых галерах по византийским землям. В течение 1347–1348 гг. чума свирепствовала по сути во всех греческих землях. Противник, с которым пришлось столкнуться лицом к лицу грекам, был гораздо страшнее гражданских войн и набегов турок.

Две краткие хроники²⁹ и кипрская погодная запись³⁰ содержат лишь лаконичные сообщения о появлении чумы в византийских владениях. Хронисты, следуя законам жанра летописного повествования, только констатировали факт распространения крупной эпидемии (τὸ μέγα θανατικόν) на византийских территориях, воздерживаясь от эмоциональных замечаний. Но за скупыми строками поздневизантийских хроник стояли события, полные драматизма и человеческих страданий. Весь ужас, который охватил жителей империи, нашел свое отражение в исторических и риторических сочинениях современников (Иоанна Кантакузина, Никифора Григоры и Димитрия Кидониса), оставивших описания той эпидемии.

Чума не раз посещала столицу за тысячелетнюю историю города, но давно бедствие не было таким масштабным. Эпидемию 1347–1348 гг. по размаху можно сравнить разве что с “Юстиниановой чумой” 542 г., занесенной в Византию из Египта, в пик которой в столице умирало до 5–10 тыс. человек в день³¹. Кантакузин³² скорбно констатировал, что “от этой болезни многие умерли в Византии в то время”³³. Димитрий Кидонис, находившийся в Константинополе в данный период и оказавшийся свидетелем трагедии,

²⁷ Ἀλέξιος Μακρεμβολίτης. Εἰς τὴν ἁγίαν Σοφίαν πεσοῦσαν... Σ. 5–6.

²⁸ Norwich J.J. Byzantium. The Decline and Fall. L., 1995. P. 309; Васильев А.А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 324.

²⁹ “В году 6856 началась большая эпидемия (ἐτους ς,ωνς’ ἐγένεον τὸ μέγα θανατικόν)” (CBB. Chr. 33/6); “Известно что в год 6856 началась большая эпидемия (ἰστέον ὅτι κατὰ τὸ ς,ωνς’ ἔτος ἐγένετο τὸ μέγα θανατικόν)” (Ibid. Chr. 89/1).

³⁰ “В это же время была большая эпидемия на Кипре (εἰς τὴν αὐτὴν ἐνχροσίαν ἥτο τὸ θανατικόν τὸ μέγα εἰς τὴν Κύπρον)” (Chronologische Einzelnotizen. S. 611. N 40).

³¹ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Книга 2. 22–23 // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с гр., вступит. ст., коммент. А.А. Чекаловой. СПб., 2001. С. 119–124.

³² Описание Кантакузином чумы 1347 г., по мнению исследователей, является подражанием (μίμησις) Фукидиду: Hunger H. Thukydides bei Johannes Kantakuzenos. Beobachtungen zur Mimesis // JÖB. 1976. Bd. 22. S. 185–188; Miller T.S. The Plague in John VI Cantacuzenos and Thucydides // GRBS. 1976. Vol. 17. P. 385–395. Однако, несмотря на цитаты из Фукидида, в изображении чумы автор проявил в определенной мере самостоятельность, основываясь на собственных наблюдениях: Hunger H. Thukydides bei Johannes Kantakuzenos... S. 188. Влияние Фукидида на Кантакузина выразилось в заимствовании фраз, выражений и оборотов, т.е. на уровне манеры и стиля повествования, что не снижает степени достоверности информации о чуме 1347 г.

³³ ὅλο τῆς τοιαύτης νόσου πλείστοι τε ἀπέθανον ἐν Βυζαντίῳ τότε (Cant. III. 52.17–18). Кантакузин имеет в виду столицу, используя древнее название Константинополя.

оставил более эмоциональное описание тех событий: “Но я, который пребывает посреди ужаса и должен видеть, как город находится в опасности утратить это имя, ощущаю глубокий душевный страх”³⁴. Кидонис наблюдал, как “ежедневно пустеет великий город и множество могил доказывает, что величайший (город. – Т.К.) умалется”³⁵. С помощью риторически приправленных восклицаний автор строк передал картину гигантского мора, захлестнувшего столицу, который был чреват, по мнению очевидца, вымиранием великого города. По разноречивым данным анонимных итальянских хронистов от чумы умерло 8/9 или 2/3 жителей Константинополя³⁶. Хотя эти сведения кажутся несколько преувеличенными, они иллюстрируют небывалый размах бедствия, по крайней мере в восприятии современников.

Сам вид пораженного болезнью человека внушал ужас очевидцам этой трагедии. Поэтому авторы уделили значительное внимание описанию признаков чумы. Григора указывает симптомы этого смертельного недуга: “Следами той болезни было высыпание на коже и общим предвестником той смерти были какой-то крупный нарост вокруг основания бедер и предплечья и одновременно кровавая чахотка”³⁷. В своем описании автор, вероятно, смешивает две формы чумы (легочную и бубонную)³⁸. Более подробное описание симптомов болезни приводит Кантакузин³⁹: “Одни были одержимы сильнейшим жаром и поражены болью в голове, были одержимы безмолвием и безразличием ко всему происходящему и вследствие чего были погружены в глубокий сон. И если каким-то образом приходящему в себя хотелось издать звук, язык двигался с трудом, и нечленораздельно звучали многие (слова. – Т.К.), умерщвленные болью вокруг затылка, и (человек. – Т.К.) мгновенно умирал. Других болезнь поражала не в голову, а в легкие, воспаление возникало мгновенно внутри в легких, и, рассказывают, наступала острая боль в легких. (Человек. – Т.К.) выпускал налитую кровью слюну и необычное и зловонное дыхание изнутри: горло и язык, пересохшие из-за жара, были черные и кроваво-красные; и питье было назначено большинству, бессонница угрожала все время и затруднение было повсюду в верхней и нижней части рук, и около щек, и у некоторых в других местах тела возникали большие или мелкие черные волдыри, как у других появлялись по всему телу черные язвы, тонкие и прозрачнейшие. И все из-за всего этого также умирали”⁴⁰. Перечисленные

³⁴ CydEp. 88.50–52.

³⁵ Ibid. 88.43–44.

³⁶ Chronicon Estense // *Scriptores Rerum italicarum*. XV / Ed. L.A. Muratori. Milano, 1729. P. 448; Bartholomaeus della Pugliola. *Historia miscella Bononiensis* // *Scriptores Rerum italicarum*. XVIII / Ed. L.A. Muratori. Milano, 1729. P. 409.

³⁷ Greg. II. 798.12–15.

³⁸ Боккаччо полагал, что в Византии более широкое распространение получила легочная чума, тогда как во Флоренции господствовала бубонная чума: “Если на Востоке непреложный знаком скорой смерти было кровотечение из носа, то здесь начало заболевания ознаменовалось и у мужчин, и у женщин опухолями под мышками и в паху, разрастающимися до размеров яблока средней величины или же яйца, – у кого как, – народ называл их бубонами” (Боккаччо Дж. Декамерон. С. 7). Но, судя по сообщению Григоры, Византия познала обе формы болезни.

³⁹ Г. Хунгер, который сравнил описание чумы у Фукидида и Кантакузина, отмечал, что в этом пункте Кантакузин проявил в известной мере самостоятельность и далеко отошел от Фукидида (*Hunger H. Thukydides bei Johannes Kantakuzenos...* S. 186).

⁴⁰ Cant. III. 50.10–51.8.

признаки заболевания были характерны для легочной формы чумы, которая сопровождалась появлением на теле больного язв, приобретающих черный цвет, что и дало основание назвать эту эпидемию “черной смертью”.

Кантакузин отмечал, что болезнь длилась всего 1–3 дня⁴¹. О быстротечности заболевания писал и Григора: “Многочисленные дома всех жителей опустели полностью за один или же иногда за два дня”⁴². Заражение происходило даже от мимолетного контакта с больным⁴³, что определило размах распространения инфекции. Перед такой разрушительной силой, которая в кратчайшие сроки поражала жителей столицы, никто не мог устоять. Авторы в один голос указывают на полное бессилие людей перед лицом смертельного недуга. Григора писал: “Болезнь одинаково затронула мужчин и женщин, богатых и бедных, старых и молодых, и, одним словом, никого не пощадила ни по возрасту, ни по доле”⁴⁴. Действительно, заболевание, не разбирая, поражало людей разного происхождения, возраста, социального положения, уравнивая всех перед опасностью заражения и смерти. Беда не миновала даже императорской семьи, и от эпидемии скончался Андроник⁴⁵, младший из сыновей императора Иоанна Кантакузина⁴⁶. Императрица тяжело переживала потерю любимого сына: “Императрица-мать, когда узнала о кончине ребенка, была поражена в сердце сильнейшей скорбью, и в течение жизни хранила неизгладимую память о ребенке”⁴⁷.

Неизбежность летального исхода пораженного болезнью человека авторы подчеркивают констатацией того, что здоровым и ослабленным людям в случае их заражения одинаково была уготована смерть, невзирая на то, оказывалась или нет медицинская помощь: “бедствие было неотвратимым, поскольку никакой образ жизни, ни мощь тела не могли защитить. В равной степени все были истощены, и сильные и слабые тела, и вполне окруженные уходом умирали подобно беспомощным”⁴⁸. Обреченность людей перед смертоносным недугом была очевидна для современников: “Ибо когда кто-то чувствовал себя заболевшим, то никакой надежды не оставалось на спасение”⁴⁹.

Более того, эпидемия, разрастаясь, распространилась и на домашних животных, которые жили бок о бок с людьми: “Болезнь, таким образом, продолжала хлестать не одних только людей: но если в строении, где жило много людей, обитали другие животные: собаки, лошади и разные виды птиц, то и они... оказались поражены”⁵⁰, “Многие дома жителей опустели, и животные умирали вместе с хозяевами”⁵¹.

⁴¹ Ibid. III. 50.8–10.

⁴² Greg. II. 798.4–5.

⁴³ καὶ ἕτερος ἀφ’ ἑτέρου θεραπείας ἀνελίμπλαντο τῆς νόσου (Cant. III. 51.19–20).

⁴⁴ Greg. II. 798.1–4.

⁴⁵ PLP. N 10954.

⁴⁶ Greg. II. 797.16–17; Cant. III. 49.15–16.

⁴⁷ Cant. III. 52.20–22.

⁴⁸ Ibid. III. 50.1–4.

⁴⁹ Ibid. III. 51.23–52.1.

⁵⁰ Greg. II. 798.7–12.

⁵¹ Cant. III. 51.21–22.

Врачи были бессильны оказать какую-либо помощь сраженным тяжелым недугом⁵². “И не было никакой помощи ниоткуда”, – обреченно констатировал Кантакузин⁵³. “Никто, – вторил ему Григора, – ничем не был в состоянии помочь никому, ни живущим по соседству, ни родственникам по рождению и крови”⁵⁴.

Город превратился в кладбище, где ежедневно погребали тысячи людей, умерших такой страшной смертью. Кидонис передал ощущение постоянного траура, который охватил жителей столицы: “Каждый день наша работа уносить друзей (к могиле. – Т.К.), и нас мучает больше всего, что люди избегают друг друга, опасаясь контакта с болезнью. Ни отец не хоронит своего ребенка, ни он (ребенок. – Т.К.) не доставляет ему (родителю. – Т.К.) последние почести. А оставшиеся в живых не верят до конца в болтовню врачей, но, закутываясь⁵⁵, пишут собственный некролог”⁵⁶. Страх вкрадывался в сознание людей, ежедневно сталкивающихся со смертью. Димитрий Кидонис, как и большинство его современников, имел все основания опасаться за собственную жизнь, ожидая той же участи, которая постигла многих его сограждан: “Мое тело не отличается больше от тени, и я думаю уже переносить до смерти жребий умерших”⁵⁷.

Болезнь воспринималась как наказание свыше. Многие свидетели этих печальных событий подозревали, что Богородица, защитница города, покинула жителей столицы⁵⁸. В восприятии византийцев насылаемые бедствия есть кара за людские прегрешения. Кантакузин же связывал распространение эпидемии с христианской идеей, согласно которой Бог насылает подобное испытание, чтобы образумить людей⁵⁹. Умиравшие и оставшиеся в живых в равной степени, стремясь оправдаться перед Богом, воздерживались от позорных поступков и заботились о благородстве (πάσης γὰρ ἀλέσχοντο κακίας ἐν τῷ τότῃ χρόνῳ καὶ ἀρετῆς ἐπεμελοῦντο⁶⁰), поэтому “могущественные раздавали необходимое бедным, пока болезнь не поразила их самих”⁶¹. Испытание, по мнению автора, есть возможность раскаяться и попытаться благородными поступками заслужить спасение души уже после смерти⁶². Средством облегчения участи людей виделась лишь молитва, обращенная к Богу в надежде на его заступничество: “В этом положении мы нуждаемся в наставлении и молитвах тех, которые приближены к Богу и позаботятся о том, чтобы это нам перенести”⁶³.

В связи с этими представлениями и окончание мора понималось как милость, дарованная свыше. По случаю избавления от бедствия, которое было связано в сознании людей с заступничеством Господа, Богоматери и небесных

⁵² Ibid. III. 50.7.

⁵³ Ibid. III. 51.17–18.

⁵⁴ Greg. II. 798.5–7.

⁵⁵ В знак траура, см.: *Demetrios Kydones. Briefe*. Br. 21.A.16.

⁵⁶ CydEp. 88.44–49.

⁵⁷ Ibid. 88.52–53.

⁵⁸ *Norwich J.J. Byzantium...* P. 309.

⁵⁹ *Hunger H. Thukydides bei Johannes Kantakuzenos...* S. 187.

⁶⁰ Cant. III. 52.10–11.

⁶¹ Ibid. III. 52.11–13.

⁶² Ibid. III. 52.13–17.

⁶³ CydEp. 88.54–55.

покровителей, устраивался крестный ход. Еще во времена Юстиниана в благодарность за прекращение моровой язвы была установлена лития (ἡ λίτης – “мольба, моление”), совершаемая на праздник Сретения Господня, который с этого времени приобрел большую торжественность⁶⁴. Приведем в сжатой форме описание литии по “Книге церемоний” Константина VII Багрянородного. В праздник из храма Св. Софии во Влахернский храм Богородицы совершался крестный ход во главе с патриархом по установленному еще в VI в. порядку. С приближением процессии к храму навстречу с пением ямбов и с зажженными свечами выходил император, окруженный свитой. Лития останавливалась перед императором, который после произнесения молитвы целовал Евангелие и крест, обменивался с патриархом проскинезой и первым заходил в храм. Когда лития достигала храма, начиналась литургия⁶⁵. Литии вошли постепенно в сценарий многих торжественных праздников, став частью богослужебной практики. Из литий выросли особые чинопоследования, которые состояли из молебных пений, совершавшихся лишь во время крестного хода⁶⁶. Литии зачастую проходили по случаю избавлений от каких-либо бедствий. Хотя мы не располагаем сведениями о крестных ходах, знаменовавших окончание эпидемий в поздневизантийское время, все же можно предположить, что избавление от чумного поветрия, вероятно, отмечали как и прежде (может быть, только без былого размаха) литией.

События 1347–1348 гг. оставили глубокий след в памяти современников. Обострив у очевидцев драмы чувства незащищенности перед лицом эпидемии и страха за собственную жизнь, чума повергла людей в состояние шока, напомнив об эсхатологических предсказаниях. В дальнейшем любое появление признаков этой болезни вызывало печальные воспоминания о трагедии середины XIV в.

Бедствие, которое представляла для Византии чума, помноженное на внешнеполитические промахи и экономические провалы, усугубило положение империи, определив в значительной мере вектор дальнейшего развития. В этом отношении середина XIV в. оказалась переломным временем византийской истории, когда концентрация негативных факторов (как внешне, так и внутривизантийского свойства) достигла критической массы. Именно с этой точки отчета можно говорить о начале конца некогда великой империи.

Последующие десятилетия отмечены новыми всплесками эпидемии, которые были, возможно, и не столь же разрушительны, как события 1347–1348 гг., но внесли свою лепту в углубление кризиса. Восстановим хронологию этих трагических лет.

Чума вновь коснулась жителей империи лишь спустя тринадцать лет. В 50-х годах XIV в. современниками не было отмечено ни одного визита болезни. Зато на 60-е годы XIV в. выпало несколько волн чумного поветрия. Очередная эпидемия моровой язвы пришлась на 1361–1363 гг.⁶⁷, когда чума

⁶⁴ *Иеромонах Иоанн (Рахманов)*. Обрядник византийского двора (*Decerimoniis aulae Byzantinae*), как церковно-археологический источник. М., 1895. С. 109.

⁶⁵ *Constantini Porphyrogeniti imperatoris de cerimoniis aulae Buzantinae libri duo*. Vol. I / Ed. J.J. Reiske. Bonn, 1829 (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*). 139.5–24.

⁶⁶ *Иеромонах Иоанн (Рахманов)*. Обрядник византийского двора... С. 111.

⁶⁷ CBV. Chr. 7/14; 33/8.

вновь свирепствовала в империи, включая Константинополь. Начало эпидемии совпало с усилением турецкой агрессии. В 1361 г. была завоевана Дидимотика. Кидонис упомянул в своем письме Константину Асану наряду с описанием чумы о судьбе защищавших город: “Воины пережили худшее, чем окруженные в Сфактерии”⁶⁸. Взятие Дидимотики открывало путь туркам через северное побережье Эгейды к Фессалонике, второму по значению городу империи. В этих тяжелых внешнеполитических условиях эпидемия, вновь распространившаяся в византийских землях, только усугубляла бедственное положение империи.

Кипрская запись сообщает об этих событиях следующее: “В 6870 (1362) г., 15 индикта, началась в Константинополе большая смертность людей (ἡ μεγὰλὴ θνήσις τῶν ἀνθρώπων), какой не случалось когда-либо раньше. В следующем году или вернее в семидесятом первом в начале индикта началась та же самая смертность и болезнь людей в Адрианополе, что живые не могли хоронить умерших, увы, страшного и приводящего в трепет вида”⁶⁹. Летописец своим лаконичным замечанием (μὴ δύνασθαι τοὺς ζῶντας θάλπειν τοὺς τεθνεῶτας) сумел передать весь масштаб бедствия. Как далее отмечает хронист, от этой эпидемии скончался “ὁ εὐγενὴς ἀνὴρ” Мануил Кантакузин Стратигопул⁷⁰, племянник Иоанна VI Кантакузина. Вновь чума не обошла и знатные дома, унося жизни людей разного происхождения и социального положения.

Переживший горечь потери родных и знакомых Кидонис “скорбел о каждом из друзей, как о себе самом”⁷¹, тяжело воспринимая утрату близких. Во время этой чумы умерли две сестры Димитрия Кидониса: “Вместе с многими погребениями друзей и многими слезами мы также проводили в могилу наших сестер”⁷². Он изображает горе своей младшей из сестер, которая с трудом перенесла смерть своих близких: “Она сидит на могиле, постоянно плачет на том погребении и скорбит, обратив свой взор на это, словно еще раз переживает смертную борьбу сестер”⁷³.

Не имея сил ни смириться с участью близких ему людей, ни стоически переносить горе, Кидонис признается в своей душевной слабости: “Ежедневные похороны друзей и родственников совсем не могу переносить – в таких вещах я меньше всего мужчина”⁷⁴. Ежедневный траур погрузил Кидониса в состоянии глубокой депрессии: “Если кто-то бросит взгляд на действительность, скажет, что я, живой, не более счастлив, чем те, кто мертв”⁷⁵.

Неспособность медиков оказать помощь больным подточило доверие людей к врачевателям. Пренебрежительно относясь к искусству врачей, Кидонис сомневался в силе их лечения: “Теперь страх перед врачами больше любой болезни; они пустословили, и вся их забота – клеветать друг на друга. Они сохраняют болезнь или ухудшают ее искусными предписаниями

⁶⁸ Намек на Пелопоннесскую войну. CydEp. 109.31–32.

⁶⁹ Chronologische Einzelnotizen. S. 612. N 44.

⁷⁰ PLP. N 10982.

⁷¹ CydEp. 110.32.

⁷² Ibid. 110.13–14.

⁷³ Ibid. 110.25–27.

⁷⁴ Ibid. 110.29–30.

⁷⁵ Ibid. 110.33–34.

диеты”⁷⁶. Столь уничижительные высказывания Кидониса в адрес врачей продиктованы прежде всего собственным недомоганием, которое беспокоило его в это время и справиться с которым не помогли лекарства и предписания. Но с другой стороны, личный опыт получения медицинской помощи укрепил то разочарование, которое возникло от созерцания бессилия врачей в период всеобщей эпидемии.

Вспышка болезни была в такой степени серьезной, что заставила власть задуматься о переносе императорского двора за пределы столицы: “Народ уносит (эпидемия. – Т.К.), и управляющие государством собираются переселиться в другое место”⁷⁷. Даже в более критические периоды византийской истории подобной идее не находилось место в планах правителей.

Причина новой волны заболевания виделась, как и прежде, в стремлении Бога наказать людей за их грехи. Кидонис прибегает к традиционному приему нанизывания риторических вопросов, чтобы подчеркнуть факт Божьего гнева: “Кто примирит справедливо разгневанного? Кто среди живущих на земле достойный представитель перед небесным господином? Кто может предсказать, когда закончатся мучения?”⁷⁸. Напряженность стилистического приема, к которому прибегает автор, отражает его эмоционально-обостренное восприятие происходящего и острое ощущение безысходности.

Отчаяние действительно охватило жителей столицы: “Священнослужитель обессилил в молитвах, и выживших, кажется, не было достаточно для рытья могил. Но каждый день несчастье продвигается, и нет надежды на прекращение, и есть опасность, что город, который все производил, вновь все примет и станет для всех общей могилой”⁷⁹. Столица, как и полтора десятилетия назад, стояла на грани вымирания. Конечно, колоссальная смертность людей в Константинополе не только сокращала численность населения, но и вела к запустению города, нанося удар по человеческим ресурсам.

На 1364–1365 гг. приходится новый всплеск эпидемии чумы, которая коснулась некоторых византийских областей (в частности Фессалоники) и Крита⁸⁰. Малая хроника сухо замечает: “была снова другая эпидемия в 6873 году”⁸¹. Во время этой эпидемии в Фессалонике умер великий стратопедарх Георгий Синадин Астра⁸², в память о котором были составлены письма-молитвы его другом Кидонисом. Кидонис описывает собственные эмоции, которые он испытал, узнав, что “чума его унесла”⁸³: “Когда я услышал весть, я закрыл свое лицо и бил себя в грудь, избегал дневного света и пищи; друзья, которые думали об утешении, казались мне противниками на войне; и

⁷⁶ Ibid. 110.43–46.

⁷⁷ Ibid. 109.30–31.

⁷⁸ Ibid. 109.28–30.

⁷⁹ Ibid. 109.32–35.

⁸⁰ П. Шрайнер считает, что речь в сообщении хрониста идет об эпидемии главным образом на Крите: *Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken*. Т. 2. S. 292. Однако чума затронула и византийские земли. Ф. Тиннефельд прав, полагая, что П. Шрайнер придает слишком большое значение более поздней вставке в запись, которая указывает на восстание, вспыхнувшее в это время на Крите, см.: *Tinnefeld F. Georgios Synadenos Astras (biographischer Abriss) / Demetrios Kydonos. Briefe*. Bd. 1/1. S. 253. A. 24.

⁸¹ CBV. Chr. 89/2.

⁸² PLP. N 1598; *Tinnefeld F. Georgios Synadenos Astras...* S. 250–251.

⁸³ *CydEp.* 100.14.

вообще, мне было противно любое слово, и кажется, что моя боль смягчается, когда я избегаю общения”⁸⁴. Кидонис, перенесший за свою жизнь много потерь, так и не научился смиренно воспринимать смерть друзей: “Но мне после его смерти все стало тягостным: свет, пища и науки”⁸⁵.

Историческим фоном эпидемий 60-х годов XIV в. стала неблагоприятная внешнеполитическая ситуация. Со вступлением на престол Мурада I в 1362 г. продвижение турок в Анатолии и в Европе стало набирать стремительные обороты. После взятия Адрианополя в 1369 г. туда была перенесена столица османов. Эпидемии чумы в этих условиях только истощали силы империи, с трудом сдерживавшей турецкую угрозу.

На 70-е годы XIV в. приходится три упоминания в источниках о моровой язве. В 1370 г. под “прицелом” чумы оказалась Фессалоника, о чем известно лишь из сообщения Кидониса. Хроники этого времени умалчивают о тех событиях. Однако, согласно Кидонису, город “вместе с варварами был охвачен еще и чумой”⁸⁶. Автор строк указывает на осаду второго по значению города империи “варварами” (сербами?), в условиях которой мор увеличивал угрозу безопасности жителей. Эпистолограф заметил, что “сожалел о несчастье родного города, если тот, охваченный со всех сторон сильными волнами, лишился граждан, которые могли облегчить бедствие”⁸⁷. Действительно, в этих обстоятельствах, когда город вынужден сдерживать натиск противника, смерть от чумы наносила непоправимый ущерб, сокращая число тех, кто обеспечивал защиту Фессалоники.

Новое появление чумы относится к 1373–1374 гг.⁸⁸ Вероятно, эпидемия задела в большей степени Эпир. Известно, что в этот год умер в Арте албанский деспот Петр Льюша⁸⁹. О следующей эпидемии чумы 1375–1376 гг. упоминается в малой хронике (“затем вновь была эпидемия, но в 6884 году”⁹⁰) и в письме Кидониса⁹¹. Согласно сообщению эпистолографа, заболевание охватило жителей Фессалоники. Кидонис разделяет горе своего адресата Мануила Тарханиота, который пережил все ужасы царящей в городе эпидемии (“стоящие перед глазами могилы друзей, похороны детей, плач родственников, слезы и крики, которыми полон каждый дом, и чувство, что самому можно не надеяться дожить до старости”⁹²).

70-е годы в истории Византии – сложный период с точки зрения внешнеполитического положения и внутривизантийских проблем. После поражения сербских правителей Македонии в битве при Марице в 1371 г. доступ в северобалканские земли был для турок открыт⁹³. Иоанн V заключил с Мурадом соглашение, по которому был вынужден признать вассальную зависи-

⁸⁴ Ibid. 98.44–47.

⁸⁵ Ibid. 100.16–17.

⁸⁶ Ibid. 107.5.

⁸⁷ Ibid. 107.10–11.

⁸⁸ CBB. Chr. 33/9.

⁸⁹ PLP. N 14983; *Бурић И.* Световни достојанственици у “Ектесис неа” // ЗРВИ. 1978. Т. 18. С. 196.

⁹⁰ CBB. Chr. 89/3.

⁹¹ CydEp. 174.35.

⁹² Ibid. 174.43–46.

⁹³ *Werner E., Markov W.* Geschichte der Türken von den Anfängen bis zur Gegenwart. B., 1978. S. 26.

мость, обязывался выплачивать регулярную дань и предоставлять войска в распоряжение султана. На фоне внешнеполитических неудач начались внутринациональные раздоры. Между Иоанном V и его коронованным старшим сыном Андроником IV произошел разрыв, вследствие чего в 1373 г. сын поднял мятеж против отца. После подавления бунта Андроник и его юный сын Иоанн (будущий Иоанн VII) были заточены в тюрьму. В 1376 г. Андронику удалось бежать из заключения⁹⁴ и с помощью генуэзцев и турок занять престол, заключив в тюрьму отца и младшего брата Мануила. В гражданскую войну, которую вел Андроник IV, были втянуты турки в качестве союзников, которым за оказываемую помощь он уступил в 1377 г. Галлиполи. Возможно, столь бурные политические события, захлестнувшие империю, отвлекли внимание современников от описания бедствий, причиненных чумой.

80-е годы XIV в. не принесли успокоения империи. Четыре раза за это десятилетие чума была отмечена в разных точках империи. В 1380 г. вспышка чумы была зафиксирована в Пере. В этот период обострилась борьба между Иоанном V, вернувшимся в 1379 г. к власти в Константинополе после бегства из заключения, и его сыном Андроником, который при поддержке генуэзцев укрепился на другом берегу Золотого Рога в Пере⁹⁵. Император в альянсе с турками и венецианцами организовал осаду Перы. Нехватка продовольствия, которую ощутил осажденный город, неминуемо привела к голоду. В этих тяжелых условиях закономерным стало появление чумы в Пере. Эти события описаны Димитрием Кидонисом, который сообщает о критическом положении блокированных в городе людей: “Они сидели в осажденной крепости, и так как из-за длительной войны были исчерпаны продукты питания, они подсчитали остатки, которые были в незначительном количестве и к тому же испортились. К голоду присоединилась также чума, и оставшихся в живых было недостаточно для погребения мертвых”⁹⁶. Чума в данных условиях оказалась одним из факторов, предрешивших исход противостояния. К маю 1381 г. война завершилась примирением враждующих сторон.

Пелопоннесская хроника под 1381–1382 гг. упоминает о новом появлении чумы⁹⁷, которая, вероятно, поразила лишь Пелопоннес. Следующий визит эпидемии приходится на 1386 г. На этот раз она, согласно Кидонису, коснулась столицы, в которой пребывал сам автор сообщения. Кидонис, намеревавшийся отбыть в Италию с целью найти союзников для империи, вынужден был отложить свое путешествие на неопределенное время⁹⁸. Препятствием в осуществлении замысла стала чума⁹⁹, царившая в столице осенью 1386 г.¹⁰⁰, и Кидонису пришлось “уступить плохой погоде, эпидемии и мнению друзей”¹⁰¹. Особенно сильно чума свирепствовала на галерах, на кото-

⁹⁴ CBB. Chr. 9/31.

⁹⁵ Dennis G.T. The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387. Roma, 1960. P. 42.

⁹⁶ CydEp. 222.111–115.

⁹⁷ CBB. Chr. 33/12.

⁹⁸ Куц Т.В. В поисках союзников: три поездки Димитрия Кидониса в Италию // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 198.

⁹⁹ CydEp.345.65; 337.38.

¹⁰⁰ Ibid. 331.31.

¹⁰¹ Ibid. 371.27–28.

рых собирался отправиться в плавание Кидонис¹⁰². Причинами несостоявшейся поездки Кидонис называет также “беспокойство внутри и извне, военное вторжение варваров, вследствие этого недоверие, позор, зависть и следующая из этого нужда и бедность жителей”, и он “подчинился таким великим трудностям, хотя мог бы избавиться от них”¹⁰³. Упомянутые эпистографом беды свидетельствуют о трудностях, которые переживал Константинополь в этот период. Не последнюю роль в ухудшении состоянии дел в столице сыграла и эпидемия, которая осложнила и без того тяжелое существование горожан.

Следующее появление чумы в византийских землях пришлось на 1388–1389 гг. Запись хрониста немногословно сообщает о факте эпидемии¹⁰⁴. Согласно документам венецианского Сената, в это же время чума обрушилась и на Крит¹⁰⁵.

В 90-е годы XIV в. внешнеполитическое положение империи оставалось сложным. Еще в 1387 г. пала Фессалоника, в 1389 г. сербские правители потерпели поражение в битве на Косовом поле, что привело к укреплению турок на Балканах. Константинополь к этому времени оказался полностью в окружении турецких владений. Новый султан Баязид I (1389–1403) использовал раздоры в правящей семье Палеологов в своих собственных интересах, вступив в 1390 г. в сговор с сыном мятежного Андроника Иоанном VII, который с помощью турок занял Константинополь. Иоанну V только при поддержке сына Мануила удалось вернуть трон. Баязид властно призвал обоих соперников (Мануила II и Иоанна VII) к участию в 1391 г. в малоазийском походе. Новый император Мануил II, по мнению его учителя и друга Кидониса, был вынужден “совершать подвиги в угоду врагам”¹⁰⁶.

В 1390–1391 гг. вспыхнула, согласно Пелопоннесской хронике, чума¹⁰⁷. В критических условиях эпидемия нанесла удар в сердце империи, поразив жителей Константинополя. Император Мануил II Палеолог вынужден был покинуть столицу в условиях начавшейся эпидемии, чтобы отправиться в ставку Баязида. Находясь в Анкаре, он писал с прискорбием о чуме, которая “истребляла наш город”¹⁰⁸. Кидонис, оказавшийся в гуще событий, сообщил в послании императору о тех трагических временах: “О, какая огромная и темная туча ныне удерживает город ромеев! О, какая волна полностью затопила его! О, чума охватила его жителей, и хотя она позволяет нам едва дышать, но торопит всех к смерти! Такие мучения притесняли нас давно и в короткий срок губили обычное тело словно чохотка, и многие бедствия предшествовали этому разрушению. Но теперь страх достиг своего пика, и уже не самым худшим он грозит, а именно ожиданием более ужасного, и таким образом он окружает и осаждает со всех сторон”¹⁰⁹. Страх автора связан не только с созерцанием жертв эпидемий, но и с осознанием того, что враг находился на подступах к столице. Причиной несчастий, выпавших на

¹⁰² Ibid. 331.32; 371.15–18.

¹⁰³ Ibid. 371. 8–12.

¹⁰⁴ CBB. Chr. 89/4.

¹⁰⁵ Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. T. 2. S. 337.

¹⁰⁶ CydEp. 431.34.

¹⁰⁷ CBB. Chr. 33/15.

¹⁰⁸ The Letters of Manuel II Palaeologus. Ep. 20.19–20.

¹⁰⁹ CydEp. 431.4–10.

долю византийцев, Кидонис в русле традиционных представлений считает “размеры и количество наших грехов, которыми мы ежедневно оскорбляем Бога, рулевого и царя всех, так как мы уклоняемся от законов благого Провидения, устанавливаем в качестве закона беззаконие и поэтому живем, как подобает блуждающим во мраке”¹¹⁰.

На конец 90-х годов XIV в. приходится еще две вспышки чумы. В апреле 1398 г., как отмечает хроника¹¹¹, вновь началась эпидемия. Вскоре в 1398–1399 гг. приступ чумного поветрия повторился¹¹². Бедствие охватило преимущественно Пелопоннес. О чуме в Короне и Модоне, в венецианских владениях на Пелопоннесе в это же время указывают документы венецианского Сената¹¹³.

Конец XIV – начало XV в. для Византии было временем значительных событий. В 1394 г. началась осада Константинополя, сдерживать которую удавалось лишь благодаря поставкам продовольствия венецианцев. Однако численность населения столицы сокращалась вследствие голода, охватившего осажденный город. В 1396 г. в битве при Никополе турки разбили рыцарское ополчение Сигизмунда Венгерского, и тем самым была похоронена на многие годы идея крестового похода против турок. После этой победы Баязид I окончательно установил свое господство над болгарскими землями и в 1397 г. возобновил осаду Константинополя. Успеха византийцам не принесла поездка императора Мануила II на Запад (1399–1403). Только битва при Анкаре в 1402 г., когда османы потерпели жестокое поражение от Тимура, изменила внешнеполитическую расстановку сил, предоставив передышку обессиленной империи.

Довольно долгое затишье наступило и в истории морового поветрия. Источники вновь упоминают о чуме лишь в 1409–1410 гг. На этот раз бедствие снова приобрело значительные масштабы. Мор охватил многие районы, своей разрушительной силой напоминая события полувековой давности. Как сообщает имперская хроника, смерть унесла жизни 10 тысяч человек (λαῖς χιλιάδες ἰ)¹¹⁴. Согласно Дуке, “был страшный голод и чума во всех областях”¹¹⁵. Жертвами чумы стали весьма значительные фигуры: патриарх Матфей I¹¹⁶, сын императора Михаил¹¹⁷, дядя императора, сенатор Феодор Палеолог Кантакузин¹¹⁸, мегадука Мануил¹¹⁹. От этой болезни скончался сын султана Баязида I челеби Юсуф, перешедший в христианство и крещенный под именем Димитрий¹²⁰. Тот факт, что смерть настигла многих уважаемых и известных людей, лиц “первой величины”, говорит о том, что чума опять собирала свою скорбную дань среди всех социальных слоев византийского общества.

¹¹⁰ Ibid. 431.23–27.

¹¹¹ CBB. Chr. 89/5.

¹¹² Ibid. Chr. 33/21.

¹¹³ Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. T. 2. S. 362.

¹¹⁴ CBB. Chr. 9/41.

¹¹⁵ Ducas. 18.3.2–3.

¹¹⁶ CBB. Chr. 9/41; Chronologische Einzelnotizen. S. 617. N 63; PLP. N 17387.

¹¹⁷ Georgios Sphrantzes. Memorii 1401–1477, Chronica 1258–1481 / Ed. V. Grecu. București, 1966. 3.1.21. (Далее: Sphr.); PLP. N 21520.

¹¹⁸ CBB. Chr. 9/41; PLP. N 10966.

¹¹⁹ CBB. Chr. 33/25.

¹²⁰ Sphr. 3.1.22.

В 1416–1417 гг. новый очаг эпидемии вспыхнул на черноморском побережье¹²¹. Георгий Сфрандзи, описывая судьбу семейства своей сестры, муж которой Григорий Палеолог Мамон был комендантом одной из черноморских крепостей, рисует печальную картину того, как смерть уносила целые семьи со всеми слугами и домохозяевами: “Первым умер ребенок, через семь дней после ребенка – отец, а спустя семь дней после отца – мать, а также шестеро из их слуг, мужчин и женщин”¹²². Трагедия отдельной семьи, вливаясь в поток жертв чумы, становилась общим горем.

Именно с берегов Черного моря бедствие распространилось на империю в 1417–1418 гг.¹²³ Эпидемия и на этот раз не обошла стороной столицу. По сообщению того же Сфрандзи, “весной и летом эпидемия началась и в Константинополе, в августе умерла от чумы и деспина кира Анна из России и была похоронена в Ливском монастыре”¹²⁴. Об этом бедствии, обрушившемся на столицу, упоминает также Дука: “Чумная болезнь охватила Константинополь, и очень много народа через бубон умерло, и императрица Анна умерла, оставившая большую печаль горожанам”¹²⁵. Согласно свидетельству Дуки, жители города столкнулись с бубонной формой чумы. Оба автора также сообщают о смерти от чумы первой жены Иоанна VIII Анны¹²⁶, которая приходилась внучкой великого князя московского Дмитрия Донского и великого князя литовского Витовта.

Путь, который проделала эта эпидемия, повторял маршрут моровой язвы середины XIV в. Начавшись в Причерноморье, она прошествовала через столицу и докатилась до периферии империи, включая Пелопоннес.

Хроники относят новое появление чумы на весну 1422 г., которая возникла на фоне другого бедствия – землетрясения: “В году 6930, на второй день Пасхи, было большое землетрясение (ὁ μέγας σεισμός), и тотчас же начала в Мореи наносить вред местами эпидемия”¹²⁷. Сообщение локализует эпидемию владениями морейского деспота, где в разных районах вспыхивали отдельные очаги заболевания. Опираясь на другую летописную запись, можно заключить, что несчастье задержалось на Пелопоннесе до 1423 г.¹²⁸ У нас нет точных свидетельств тому, что в это же время чума обнаружила себя и в Фессалонике. Однако есть косвенные указания у Симеона Фессалоникского, что город, осажденный турками, вероятно, испытал на себе и разрушительную силу эпидемии чумы. Описывая бедственное положение деспота Фессалоники Андроника в 1422–1423 гг., Симеон указывает, что тот “в своих страданиях не имел никого, от кого он мог бы ожидать помощи. С одной стороны, василевсы, его отец и брат, были поглощены собственными заботами о столице”¹²⁹, с другой –

¹²¹ ἐν δὲ τῷ χειμῶνι τοῦ αὐτοῦ δὴ ἔτους θανάτου γενομένου ἐν τῇ Μαύρῃ Θαλάσσῃ (Ibid. 5.1.1–2).

¹²² Ibid. 5.1.6–8.

¹²³ CBV. Chr. 33/28.

¹²⁴ Sphr. 5.2.1–3.

¹²⁵ Ducas. 20.3.7–4.4

¹²⁶ PLP. N 21349.

¹²⁷ CBV. Chr. 33/29.

¹²⁸ Ibid. Chr. 33/36.

¹²⁹ Помощи со стороны императора, в чем упрекает митрополит Симеон, не приходилось ждать, поскольку одновременно с этими событиями византийской столице самой в 1422 г. угрожала непосредственная опасность со стороны турок.

он вынужден был столкнуться с серьезной опасностью и мятежами, которые постоянно возникали внутри и извне, и также с недостатком необходимого, который давил на него, ибо его резервы иссякли, и никто не решился прийти ему на помощь. Сказать правду, он сам был в некоторой степени причиной этой нужды: без необходимости он поступил из благородного побуждения и во время вспышки чумы (τινῶν ἐπιθέσει λοιμῶν) опустошил общественные запасы, в чем не было необходимости”¹³⁰. Исходя из этого сообщения, вполне вероятным кажется наше предположение о распространении эпидемии в Фессалонике, которая переживала сложные времена турецкой осады. Нехватка продовольствия, осадное положение были благоприятным фоном для возникновения болезни.

В своем наставлении, обращенном к пастве, Симеон Фессалоникийский говорит об испытаниях, посылаемых Богом, чтобы испытать силу веры людей: “Постоянные набеги, эпидемии чумы и голод с поущения Бога, бедствия, блокады и многочисленные другие беды”¹³¹. Наказания, следуемые за нарушение людьми божественных установлений, согласно митрополиту Симеону, обрушиваются в виде бедствий: “Себя осквернили всеми беззакониями, вследствие чего людей постигли наводнения, пожары, утопления, пленения, голод и эпидемии чумы, и вся злоба и притеснение”¹³². Страстные слова, произносимые митрополитом перед соотечественниками в блокированном городе, были продиктованы, вероятно, его наблюдениями разрушений и бедствий.

В 1436 г. Византию захлестнула очередная волна эпидемии¹³³. В столице были предприняты меры, чтобы ограничить проникновение чумы. Кораблям, прибывающим из зачумленных областей, согласно свидетельству испанца Тафура, было запрещено заходить в гавань Константинополя и Перы без предварительного карантина¹³⁴. Тем не менее столица не избежала этого бедствия. Георгий Схолярый, находившийся в этот период в Константинополе для подготовки унии церквей, сообщает о чуме, которая не щадила людей разных возрастов, унеся в том числе жизни двух его племянников¹³⁵.

Последний визит эпидемии чумы в умирающую империю приходится на 1440–1441 гг. Пелопоннесская хроника фиксирует появление в это время “десятой (по счету летописца. – Т.К.) эпидемии”¹³⁶. Поскольку эта запись не подкреплена другими источниками, можно предположить локальный характер вспышки болезни.

¹³⁰ Λόγος εἰς τὸν ἐν ἀγίοις μέγιστον ἀθλητὴν καὶ μυροβλύτην Δημήτριον ἐν ἱστορίας τύπῳ τὰ νεωστὶ αὐτοῦ γεγονότα διηγούμενος θαύματα // *Balfour D. Politico-historical Works...* P. 56. L. 27–33.

¹³¹ Συμβουλία α' // *Balfour D. Politico-historical Works...* P. 85. L. 21–22.

¹³² *Ibid.* P. 83. L. 12–14.

¹³³ *Matschke K.-P. Gesellschaft und Krankheit: Bewohner und Besucher Konstantinopels während und nach der Pest von 1436* // BB. 1998. T. 55. C. 50.

¹³⁴ *Ibid.* C. 51.

¹³⁵ *Oeuvres complètes de Gennade Scholarios* / Ed. L. Petit, A. Siderides, M. Jugie. Vol. IV. P., 1935. S. 416.

¹³⁶ CBV. Chr. 33/37.

Надо отметить, что распространение чумы не всегда приобретало характер эпидемии или пандемии. Так, вероятно, было в 1431 г., когда были зафиксированы отдельные случаи гибели от чумы. Известно, например, о смерти настоятеля столичного монастыря Пантократора Макария Макриса¹³⁷, жизнь которого унесла бубонная чума¹³⁸. В 1448 г. в Селимврии от чумы умер деспот Феодор II Палеолог¹³⁹. Но хроники и исторические сочинения хранят молчание о появлении мора в эти года. Однако чума, не всегда разрастаясь до масштабов катастрофы, держала людей в постоянном страхе и, нанося “точечные” удары, напоминала о себе даже во времена своего временного затишья.

Восстановив хронологическую вертикаль чумных поветрий в поздневизантийский период, обозначим некоторые факторы, которые влияли на распространение чумы и определяли размер бедствия. Безусловно, воздействие чумы было более ощутимым в городах, нежели в деревнях. Город с его высокой концентрацией населения становился для эпидемии более легкой добычей. Лаоник Халкокондил в своем описании европейских городов заметил, что они не так часто, в отличие от византийских, страдали от эпидемий: “Здесь не бывает так часто ни чумы, которая неоднократно появляется у нас благодаря загрязненному воздуху, убивая значительную часть жителей, ни других болезней, которые возникают у нас летом и осенью”¹⁴⁰. Оставив в стороне идеалистическое замечание автора о более благополучной ситуации на Западе, отметим, что он указывает на сезонность заболеваний и санитарные условия города как на факторы, влиявшие на распространение болезней, а также отмечает высокую смертность зараженных болезнью. Зачастую эпидемия поражала города и крепости, находившиеся в осадном положении, многократно увеличивая угрозу для их обитателей. Кроме того, чума часто сопровождала голоду. Недоедание и снижение физической сопротивляемости человеческого организма обуславливали размах того бедствия, которое представляла собой чума.

Урон, наносимый чумой, выражался не только в количественных, но и в качественных показателях. В период эпидемии, когда горожане были парализованы страхом перед лицом смерти, прекращали свою работу ремесленники, закрывали свои лавки торговцы, замирала жизнь в гавани, что наносило тяжелый удар по экономике. Убывание населения, которое происходило в периоды мора, дестабилизировало положение в стране. Опасным было и то, что эпидемии чумы сочетались с губительными военными опустошениями, хозяйственной разрухой, с глубоким социальным и политическим кризисом. XIV–XV вв. обострили, кроме того, чувство эсхатологического страха в связи с ужасами чумы, которая была зримым предвестием ожидаемого конца света.

В заключение приведем хронологическую таблицу, в которой зафиксированы все отмеченные источниками вспышки эпидемий чумы поздневизантийского времени.

¹³⁷ PLP. N 16379.

¹³⁸ Sphr. 21.8.7–10.

¹³⁹ Ibid. 28.5.2–6.1; о Феодоре Палеологе см.: PLP. N 21459.

¹⁴⁰ Laonici Chalcocandylae historiarum demonstrations... 1.66.9–13.

Таблица

Годы	Территория	Источники
1347–1348	Константинополь и вся империя	CBV. Chr. 33/6, 89/1; Chronologische Einzelnotizen. N 40; CydEp. 88; Gred. II. 797–798; Cant. III. 49–52
1361–1362	Константинополь	CBV. Chr. 7/14; Chronologische Einzelnotizen. N 44; CydEp. 109, 110
1362–1363	Константинополь, Адрианополь	CBV. Chr. 33/8; Chronologische Einzelnotizen. N 44
1364–1365	Фессалоника, Крит	CBV. Chr. 89/2; CydEp. 98, 100
1370	Фессалоника	CydEp. 107
1373–1374	Эпир (?)	CBV. Chr. 33/9
1375–1376	–	CBV. Chr. 89/3; CydEp. 174
1380	Пера	CydEp. 222
1381–1382	Пелопоннес (?)	CBV. Chr. 33/12
1386	Константинополь	CydEp. 331, 335, 337, 345, 371
1388–1389	–	CBV. Chr. 89/4
1390–1391	Константинополь, Пелопоннес	CBV. Chr. 33/15; CydEp. 431; The Letters of Manuel II Palaeologus. Ep. 20
1398	–	CBV. Chr. 89/5
1398–1399	Пелопоннес	CBV. Chr. 33/21
1409–1410	Константинополь и другие районы империи	CBV. Chr. 9/41, 33/25; Chronologische Einzelnotizen. N 63; Sphr. 3.1; Ducas. 18.3
1417–1418	Константинополь Пелопоннес	CBV. Chr. 33/28; Ducas. 20.3–4; Sphr. 5.1–2
1422–1423	Морея, Фессалоника (?)	CBV. Chr. 33/29, 33/36; Balfour D. Politico-historical Works... P. 56. L. 27–33
1436	Константинополь	Oeuvres complètes de Gennade Scholarios. S. 416.
1440–1441	Пелопоннес	CBV. Chr. 33/37